Как судья Кавальмуди перекинул прокурора

Category: Hekaýalar,Kitapcy,Satiriki hekaýalar
написано kitapcy | 24 января, 2025
Как судья Кавальмуди перекинул прокурора КАК СУДЬЯ КАВАЛЬМУДИ ПЕРЕКИНУЛ ПРОКУРОРА

Полный доброго юмора — классического, литературного, «старорежимного» доброго юмора — рассказ из жизни служителей итальянской Фемиды времен Муссолини

• От переводчика

Пьеро Кьяра (1913-1986) — один известных итальянских писателей-сатириков, работавших во второй половине XX века. Его перу принадлежат многочисленные романы, рассказы, очерки, стихи, киносценарии. Особой любовью читателей пользуются его рассказы, в которых он опирается на многовековые традиции итальянской новеллистики, берущей начало от «Декамерона» Боккаччо. Разнообразные по интонации, его рассказы привлекают умением писателя создавать жизненно достоверные человеческие характеры, оттененные тонкой иронией и особой теплотой тона. Сегодня мы предлагаем нашим читателям познакомиться с творчеством этого талантливого писателя. Рассказ », «Как судья Кавальмуди перекинул прокурора» на русском языке публикуется впервые.

* * *

В то время, когда произошла эта история, а произошла она, надо сказать, много лет тому назад в небольшом городке, расположенном на берегу одного из озер Северной Италии, неожиданно появился новый мировой судья — доктор Понтий Кавальмуди. Как только стало известно о его приезде, среди практиковавших в округе адвокатов, и представителей местной власти возникло смятение. «Кавальмуди?» — недоуменно

переспрашивали в муниципалитете, в казармах карабинеров и адвокатских конторах. Казалось, что эта фамилия никак не может сулить ничего хорошего, к тому же, ей сопутствовало столь же смешное имя — Понтий.

Адвокат Святозини тут же заметил, что представитель судебной власти в пятьдесят лет — а именно столько, судя по министерскому ежегоднику, было Кавальмуди — должен работать в апелляционном суде, в президиуме суда, либо в отделах прокуратуры, с чином не ниже пятого, а не застрять на шестом в каком-то небольшом городке, учитывая и то, что ранее он трудился в более крупном округе, каким была Кремона, где, скорее всего, не проявив должного усердия, написал прошение о переводе по собственному желанию, хотя было ясно, что это ему было предложено.

Адвокат Уровнелли, несмотря на свою язвительность, оказался более снисходительным по отношению к Кавальмуди. По его мнению, он был чиновником с антифашистскими настроениями, подобный тем, кто медленно продвигается по служебной лестнице, словно их присыпало нафталином.

Адвокат Шпильки был убежден, что это всего лишь бездельник, один из тех судебных служащих — инертных, ленивых и лишенных служебных амбиций, которые довольствуются небольшим округом, лишь бы жить в тиши и покое.

А Кавальмуди тем временем занял место, оставленное ушедшим на повышение в апелляционный суд его предшественником, снял большую квартиру и поселился в ней вместе со своей тарой тетушкой, бывшей чем-то вроде экономки, и прислугой — несколькими пожилыми женщинами, пестовавших его уже в течение многих лет и убежденных в том, что только их верность и забота спасли его от несчастного или просто ненужного брака.

Неделю спустя после вступления в должность Кавальмуди уже развеял все недоброжелательные мнения в свой адрес. Его видели на улицах хорошо одетым, безукоризненно выбритым, вежливо

отвечающим на приветствия даже незнакомых ему людей. Два-три адвоката, имевших дома и конторы в предместье, побывали уже у него на работе и понаблюдали за тем, как по средам он ведет слушание дел — профессионально, снисходительно к людям, не придавая особого значения общественному положению. Тогу он попросту небрежно набрасывал на плечи, не продевая руки в рукава.

От адвоката Шпильки, с которым судья стал приветливо общаться, стало известно еще кое-что. Кавальмуди родился в Генуе, но отец у него был родом из области Марке, а мать — из Венето. Он учился в Парме, работать начал в Тоскане, а потом в течение многих лет, не занимая руководящих должностей, трудился в Кремоне, пока, наконец, не прибыл к нам в суд в качестве мирового судьи. Все дела Кавальмуди вел образцово, что не давало возможности Святозини или Уровнелли распространять какие-либо сплетни. Однако со временем однообразие провинциальной жизни и зло, которое таится в городках, подобных нашему, казалось бы, в самых тихих уголках, вскоре стали подтачивать безупречную репутацию, которую он успел приобрести.

Это случилось, когда перед мировым судьей предстала вместе с дедом и дядей с тетей одетая во все черное и с печальными глазами сирота Эстерина Аливерти. У Эстерины, которой было девятнадцать лет, месяц назад умер отец. После потери в десятилетнем возрасте матери она была определена в колледж орсолинок и училась в нем до его окончания, после чего, отказавшись от продолжения учебы, возвратилась домой, чтобы помочь давно уже безнадежно больному отцу.

Очень выдержанная и слегка надменная, Эстерина продемонстрировала свое намерение жить одной в своей вилле на берегу озера с двумя пожилыми слугами, которые проработали в ее семье более двадцати лет. Но она была несовершеннолетней и, в соответствии с законом, над ней должна была быть установлена опека.

Так и случилось. Мировой судья вызвал несовершеннолетнюю и ее самых близких родственников для образования семейного совета и назначения опекуна. Эстерина, сидя напротив Кавальмуди, сразу же сказала, что наследство отца значительно: недвижимость, ценные бумаги, вклады и долевое участие в различных обществах. Дед по материнской линии ничего не знал об этом и ничего не понимал. Дядя с тетей – тоже по материнской линии – понимали в этом еще меньше.

– Здесь, – предложил мировой судья, – нужно бы пригласить на совет адвоката, который установил бы надзор, управлял и составлял отчеты.

Удивив всех, Эстерина спросила:

– А если управлять буду я под надзором мирового судьи. В этом году, – добавила она, – мой отец, чувствуя свой близкий конец, ввел меня в курс всех своих дел.

У судьи создалось впечатление, что девушка разговаривает не с родственниками, а с ним, и обращается к нему не с предложением, а дает указание. Он сказал, что это возможно, назначил опекуном деда и велел сделать инвентарную опись наследства несовершеннолетней.

Среди многочисленных дел судебного учреждения дело несовершеннолетней Аливерти представлялось наиболее значительным и старому делопроизводителю Сансеверино, который постоянно видел на столе своего начальника папку с материалами об опеке. Продажа нерентабельного имущества, отказ от долевого участия в обществах и реинвестиции в недвижимость или в государственные ценные бумаги были постоянно производимыми операциями, контролируемыми непосредственно Кавальмуди с официального согласия опекуна и семейного совета.

По крайней мере, два раза в неделю Эстерина приходила поговорить с судьей. Она, закинув ногу на ногу, садилась сбоку стола, а Кавальмуди тем временем брал папку с материалами об опеке, которая становилась все более толстой, и раскрывал ее.

Иногда, закончив разговор о делах, они начинали говорить о другом: об адвокатах, аптекаре, о трех-четырех городских врачах, о подесте, о наиболее заметных людях.

Эстерина всегда была одета в черное, почти никогда не улыбалась и высказывала полное согласие с мнением Кавальмуди даже тогда, когда это не касалось управления наследством. Но как-то при прощании она, повернув голову и посмотрев судье прямо в лицо, который провожал ее к двери, имела смелость пригласить его на ужин на следующий день, в субботу.

Словно во сне, Кавальмуди увидел себя у ворот виллы Аливерти, стоящим на виду у всего городка в ожидании пока ему откроют. Принять предложение было невозможно. Он уже не раз замечал на лице делопроизводителя Сансеверино гримасу неодобрения, когда старый чиновник заходил к нему в кабинет, чтобы подписать какие-либо документы, и заставал там синьорину Эстерину, сидящую сбоку стола. Эта, чисто неаполитанская гримаса, бывшая ни чем иным, как легким движением губ закрытого рта, имела предупредительный характер и как бы означала: «Подобные дела добром не кончатся: люди увидят — пойдут разговоры…» Он не должен был принимать приглашение. Но принял.

За ужином в доме Аливерти Кавальмуди, кроме Эстерины, встретил одну ее подругу по миланскому колледжу и чету молодоженов Костаманья. Он облегченно вздохнул. Все было не так, как он опасался: это был обычный визит вежливости, а не встреча тет-а-тет. Охваченный необычной веселостью, он за ужином дал выход своему хорошему настроению и стал душой вечера.

Он ушел за час до полуночи, побежав вскоре снова встретиться с миланцами, у которых поблизости была вилла, где они проводили свои выходные дни.

Обеды следовали один за другим, но однажды случилось так, что он оказался за столом один, без букета цветов, которые он им приносил во время первых визитов. Под предлогом сокращения пути он украдкой вошел в дом через калитку, выходившую на

боковую улицу.

Они ужинали, сидя друг против друга, а им прислуживали горничные, работавшие в доме Аливерти. После ужина они расположились в гостиной и в течение получаса говорили о делах и о прочих вещах. Потом судья ушел.

Не один раз по пути домой Кавальмуди задавал себе вопрос: всегда ли приглашала его Эстерина из-за чистой любезности или в то же время она питала к нему симпатию или чувство, которое, скорее всего, было дочерним?

«Может быть,— думал он, — она видит во мне отца, которого потеряла. Или, кто знает, — продолжал фантазировать он, — она воспринимает меня и как мать, которой ей не хватало в детстве».

Отсутствие или потеря родителей, по его мнению, было настоящей травмой, которая требовала лечения, замену — даже фиктивную, но необходимую для восстановления утраченного равновесия. Начиная с первых дней знакомства с Эстериной, он чувствовал в себе готовность сделать что-нибудь для нее, , не боясь сплетен, и даже рискнуть собственной карьерой, впрочем, неудавшейся и почти уже завершенной. Он относился к ней как к дочери, которую он, пятидесятилетним, мог вполне иметь.

Однажды, когда Эстерина была у него в кабинете, он, закрыв папку с материалами о наследстве, встал из-за стола и, прежде чем девушка поднялась со стула, провел рукой по ее плечу и чисто по-отечески погладил ее по голове. Это было похоже на движение, каким открывают вазу, наполненную нежными и пронзительными по запаху благовониями, аромат которых мог в корне изменить его жизнь, протекавшую до сего времени как тихая и спокойная река. Вспомнив свою учебу, он подумал о шкатулке Пандоры и о том, что Зевс хотел наказать людей именно с помощью женщины.

Он уже однажды избежал печальной участи, когда сразу после окончания университета, стал женихом дочери одного полковника-

пехотинца. Девушка, которую он уже считал своей женой, неожиданно бросила его и вышла замуж за пожилого промышленника. Перенесенное унижение принесло ему разочарование в любви и выработало иммунитет, благодаря которому он смог достичь зрелого возраста свободным от каких-либо обязательств. И вот он неосторожно приоткрыл крышку шкатулки.

Эстерина не двинулась, словно давно уже ждала этого знака. Однако с того момента она уже не осмаливалась приглашать его к себе в дом. Кавальмуди подумал, что он совершил неверный шаг. Действительно, после того ласкового жеста Эстерина ушла с поникшей головой, подобно принявшим причастие женщинам, которые возвращаются на скамью кроткими, со склоненными головами.

Может быть, она разволновалась, испуганная его дерзостью. Дружеский жест, обнажавший чувство, был для того, кто его не ждет, хуже пощечины. Неожиданно ему показалось, что он совершил кровосмесительный акт. Как поправить положение? Как вернуть дружескую и чистую атмосферу, которую он разрушил? Об этом подумала и Эстерина, которая как-то в его кабинете сказала шутливым тоном:

— Доктор, я приглашала вас к себе ужинать целый год, почти каждую неделю. Не считаете ли вы долгом ответить любезностью на любезность?

— Но каким образом? — пробормотал Кавальмуди. — Если у меня дома, то что подумает моя тетя? Что подумает прислуга, люди?

— Разве мало ресторанов, — продолжала Эстерина все в том же игривом тоне — Я не говорю, что здесь, а в Милане, на озере, в Стрезе, в Паланце, на Борромейских островах?

В среду, в зале судебных заседаний, небольшая группа адвокатов, ожидая прихода запаздывавшего судьи, собралась в кружок. Делопроизводитель Сансеверино вышел, чтобы попросить их подождать еще немного, поскольку Кавальмуди разговаривал с

Римом.

— Я знаю, с кем он разговаривает, — проинтриговал просьбу адвокат Уровнелли. — Один мой клиент в прошлое воскресенье видел его вместе с синьориной Аливерти в гостинице «Вербано» на острове Пескатори. Он сказал, что они были похожи на жениха и невесту.

— Что же они делали в гостинице? — спросил адвокат Шпильки.
— Обедали, — объяснил коварный Уровнелли. — Пока только обедали. А потом? В «Вербано» на втором этаже есть комнаты с видом на озеро…

— Адвокат Святозини сообщил, что давно уже ходят слухи о встречах и поездках судьи с несовершеннолетней Аливерти. «Это же скандал!» — воскликнул он.

Адвокат Лапшони — южанин, который каждую среду приезжал из провинциального центра на слушания дел — заметил, что Кавальмуди всегда тянет с рассмотрение гражданских дел, проводит лишь два-три разбирательства по уголовным делам и слишком затягивает расследования.

— Если он влюбился в пятьдесят лет, — снова взял слово Уровнелли, — то он потерял голову и желание работать.

— Он не потерял голову, — заметил Святозини. — Он женится, к тому же на двадцатилетней и с кучей денег.

— Но она хоть красива? — спросил Лапшони.

— Она приятная, — пояснил Святозини. — У нее красивое, чуть бледное, но правильной формы лицо.

— Более чем приятная, — вмешался Шпильки. — Я бы сказал, что она очень интересная и привлекательная, какими обычно бывают немного глуповатые женщины.

— Она похожа на монашку, — сказал Уровнелли, — но глупой ее не назовешь, даже — наоборот. Она ликвидировала оставленные

незавершенными отцом дела лучше адвоката или коммерсанта.

— Что касается меня, то она меня вполне устраивает, — вступил в разговор молодой адвокат Гулёни и, посмотрев по сторонам, продолжил. — Вы хорошо осмотрели ее? Мне достаточно взглянуть на ноги женщины. Когда ножки хорошие…

В этот момент вышел судья, волоча за собой развевающийся край тоги, которую он накинул на плечи. Следом за ним с пачкой дел подмышкой вышел делопроизводитель.

— Слушание открывается, — сказал судья, как бы приходя в себя после сна.

Началось лето, и Кавальмуди, который перенес все дела на осень, стал подумывать, где бы провести отпуск. Совершить, как в прошлые годы, ознакомительное путешествие по Умбрии, Абруццо или по какой-либо другой незнакомой ему области Италии он даже не помышлял. Эстерина сказала, что поедет на один месяц на море вместе с супругами Костаманья, с которыми она договорилась встретиться в Санта Маргерите. Может быть, ему тоже стоит поехать на море, которое он не любил, но которое позволило бы ему быть рядом с Эстериной? Кавальмуди тут же написал в бюро путешествий и отдыха Санта Маргериты, прося выслать ему проспекты.

Несколько дней спустя на почте, вместе с буклетами отелей и служебной корреспонденцией, он обнаружил письмо из прокуратуры. Прокурор короля, доктор Сердуцци, сообщал ему, что 12 июля, во вторник, он приедет с инспекцией в суд и пробудет там весь день; кроме того, чтобы разобраться с просроченными делами и дать соответствующую оценку, он просил выделить ему одного члена суда, с целью поручить ему работу с этими делами.

«Нет, ты только посмотри! Какого черта несет сюда этого Сердуции! — воскликнул Кавальмуди, дочитав письмо до конца. — И именно сейчас, в самый разгар отпуска!»

К счастью, Эстерина должна была уехать только девятнадцатого. У него было достаточно времени, чтобы подготовиться к встрече со Стицци и напоить его как следует. Он ответил, что с удовольствием ждет его приезда, кроме того, он запланировал на 12 июля большой прием в честь Сердуцци в ресторане Габеллы, находившимся на берегу озера, в двух километрах от города. Он пригласил адвокатов Шпильки и Святозини с их женами, супругов Костаманья с Эстериной, подеста, политического секретаря и лейтенанта карабинеров. Ресторан находился под береговым откосом, вдали от дороги, у небольшого пляжа, закрытого с двух сторон выступами скалы: место, известное своими филе из окуня и форелью.

Адвокат Святозини, у которого была отличная весельная лодка, предложил подвезти прокурора короля к ресторану. У него были хорошие отношения со Сердуцци (по его словам), и он хотел удостоиться чести отвезти его сам. «Отлично, – сказал про себя Кавальмуди, – все завершится большой пьянкой».

Сердуцци был бывшим офицером альпийских стрелков, и говорили, что любил закладывать за галстук, но делал это левой рукой, потому что правой руки у него не было: он потерял ее на войне в 1917 году. Такое славное увечье сделало его, как говорил адвокаты из областного центра, высокомерным и дерзким, поскольку он считал, что достоин восхищения. Действительно, на лацкане пиджака, кроме значка инвалида, он носил голубую ленту с двумя металлическими звездочками, которые указывали на то, что он награжден двумя серебряными медалями за воинские доблести.

Несмотря на знаки отличия, Сердуцци чувствовал неполноценным, не только из-за увечья, но и по причине своего довольно низкого роста. Он пытался увеличить его, нося каблуки вдвое выше обычного и держа себя прямо, как только возможно. Его постоянной напряженности, особенно заметной на шее, которую он всегда держал натянуто и твердо, сопутствовал холодный и презрительный взгляд его серых глазок, который он, как молнии, кидал на собеседника. Он был не только строгим, но и

вспыльчивым, обидчивым и раздражительным. Едва получил повышение и прибыв на место работы, он дал выход своему обличительному гневу — как представитель министерства — и проявил необыкновенную строгость — как глава судебного учреждения.

Как и все с ампутированной верхней конечностью, он носил рукав вшитым в карман пиджака. По этой причине его правый бок был строго прямым и вертикальным, как пилястра. Левой рукой он делал все: писал, прочищал нос, приветствовал по-римски и часто почесывал задний проход. Когда было нужно, он подавал руку стремительным движением, держа ладонь в сторону, как бы для того, чтобы пожимавший ее не мог понять, что это не правая рука.

Несмотря на свою неполноценность, Сердуцци пользовался славой отважного человека, любителя женщин и гурмана. У него были три дамы: жена привратника Форментини, сорокалетняя сотрудница адвоката Палаччо и владелица пансионата «Гуаральдо». Но Сердуцци был холост, ему еще не стукнуло и пятидесяти, у него было крепкое здоровье и врожденная злость; все это, вместе с увечьем, давало ему право брать от жизни все то, что она могла ему предложить.

Кавальмуди, знавший все о Сердуцци, готов был к его приему. Уже несколько дней он ощущал в себе необыкновенный прилив оптимизма, потому что с ним случилось чудо, которого он ждал много лет. Как-то вечером после ужина на двоих на вилле Эстерины девушка провожала его до ворот. Они шли рядом; их руки, которые время от времени касались друг друга, неожиданно соединились, и так, со сжатыми руками, они подошли к воротам. Не выпуская ее руки, судья остановился и поцеловал ее в лоб.

— Спокойной ночи, — прошептала Эстерина, не поднимая головы.

Наступило 12 июля, и доктор Сердуцци отправился в путь, чтобы посмотреть, как вершит правосудие судья Кавальмуди, о котором говорили как о представителе судебной власти, смотревшим на

все сквозь пальцы, скорее всего бездельника или, еще лучше, как говорил адвокат Палаччо, исчерпавшего себя. Из других источников ему стало известно еще нечто более худшее. Говорили, что Кавальмуди, злоупотребив своим служебным положением опекающего судьи, соблазнил несовершеннолетнюю и поставил себя в управлении наследством выше опекуна. Действительно, Сердуцци стало известно о запросе по предоставлению несовершеннолетней юридической дееспособности, поданном и подписанным опекуном, но сделанным по указке Кавальмуди.

Когда прокурор короля около девяти часов утра переступил порог суда, Кавальмуди еще спал глубоким сном у себя дома, погруженном в церковную тишину, которую, оберегая его сон, сохраняли каждое утро его тетушка и две служанки, считавшие его сном праведника. Прервать это сон, разумеется, было весьма трудно.

В кабинетах суда не было даже кавалера Сансеверино, который в этот час бродил по рынку и делал покупки, которые затем относил домой. Сердуцци, найдя дверь канцелярии открытой, вошел в нее и прошелся по пустым кабинетам, даже не посмотрев через окна на озеро, которое – прохладное и глубокое – простиралось до самых гор и противоположного берега. Так, переходя из одной в комнату в другую, он дошел до зала заседаний, где застал лежащей в судейском кресле, под надписью «Закон равен для всех» и портретами короля и дуче тучную женщину в фартуке и с красным платком на голове. Это была Эльвира – дочь охранника окружной тюрьмы, которая, устав от утренней уборки, позволила себе минутку отдыха и представляла себя Господом Богом карающим или милующим. Увидев маленького человека без руки, она стукнула кулаком по столу и закричала: «Иди прочь, увечный! Контора еще не работает». У Эльвиры не было никакого намерения оскорбить представшего перед ней человека. Увечными в те годы были почти все ветераны войны 1915-1918 годов, и
такое обращение не вызывало у них возмущения, более того, они

даже гордились этим. И это действительно было так, поскольку даже на вывесках часто можно было встретить надписи: «Остерия инвалида», «Канцтовары инвалида» и даже «Мясная лавка инвалида». Однако Сердуцци, выйдя из себя, заорал:

— Я — королевский прокурор! Судья мне ответит за это оскорбление.

Обратив своей вспышкой гнева Эльвиру в бегство, он стал ходить вдоль и поперек по кабинетам, пока не пришел Сансеверино.

— Я требую, — услышал делопроизводитель — немедленного прихода судьи.

— Судья, — пояснил перепуганный старый делопроизводитель, — выносит приговоры до полуночи и в суд приходит поздно утром.

В одиннадцать часов, когда Кавальмуди вошел в канцелярию, он оказался перед Сердуцци, который ждал его стоя. Не поздоровавшись, тот спросил:

— Где решения суда?

— Какие решения? — не понял полусонный судья.

— Те, что вы принимали сегодня ночью.

По лицу Сансеверино судья понял, что следовало ответить.

— Эту ночь я провел за чтением некоторых текстов по римскому праву. Мне нужно было принять решение по одному весьма сложному делу по ипотеке: римский pignus conventus, который вы знаете лучше меня, но усложненный фактом мошенничества. Кредитор, получивший залог…

— Достаточно, достаточно! — перебил его Сердуцци, который ничего не смыслил в римском праве. — Пройдем в ваш кабинет.

Войдя в кабинет, прокурор закрыл за собой дверь и сел на стул, стоявший сбоку от стола.

Тут же к двери подошли делопроизводитель и судебный исполнитель Модуньо, которые, сменяя друг друга каждые пять минут, принялись подслушивать.

Сансеверино вскоре понял, что судья постепенно берет верх, поскольку голос прокурора звучал все тише и уступал место спокойному и дружелюбному голосу Кавальмуди.

— Какого черта вы взяли себе имя Понтий? — спросил Сердуцци.

— У меня был дядя, — ответил судья, — которого, как и Пилата, звали Понтий. Дядя был холост, и мой отец, надеясь, что он оставит мне свое наследство, дал мне его имя.

— Они говорят о Понтии Пилате. Надо же! — буркнул судебный исполнитель, разочарованно отходя от двери.

В полдень Кавальмуди открыл дверь, не обратив даже внимания на делопроизводителя, который, прижав ухо к замочной скважине, все еще стоял у двери.

Спустя некоторое время вся компания в сопровождении адвокатов Шпильки и Святозини и их женами была уже почти в полном составе у лодочной пристани. Подеста, политический секретарь и лейтенант карабинеров, обменявшись приветствиями с прокурором короля, поехали в ресторан на машине секретаря. На пристани осталось девять человек, десятым стал подъехавший старый нотариус Жополини, брат председателя апелляционного суда в Милане. С большим шумом они разместились в двух лодках. За весла своей лодки взялся адвокат Святозини, который прихватил с собой прокурора короля, Эстерину и адвоката Шпильки с женой. Судья, взявший с собой супругов Костаманья, нотариуса Жополини и жену Святозини, вел лодку от одного берегового изгиба к другому, пока не подплыл к маленькому пляжу Габеллы.

Сердуцци, сидя за столом между женами Святозини и Шпильки, красивыми женщинами средних лет, полностью посвятил себя ухаживанию.

Жене Святозини, которая сидела справа, то есть там, где не было руки, прокурор рассказал историю своего увечья, полученного им на войне, а потом еще историю о медицинской сестре-волонтерке из госпиталя в Венеции, куда он был помещен на лечение. Сестра была графиней, и Сердуцци продемонстрировал ее качества, не совсем свойственные его мужественной натуре. Он преимущественно разговаривал с ней и с женой Шпильки, находившейся слева от него, но глазами все время сверлил Эстерину, которая сидела напротив. Адвокат Шпильки, чтобы доставить удовольствие прокурору, перевел разговор на войну и героизм итальянской армии. Пивший без удержу прокурор пожелал рассказать анекдот о «крестной» — женщине, шефствовавшей над фронтовиками — которая в тылу, в речи, произнесенной в конце обеда с офицерами, сказала: «Я славлю то великое, прекрасное, о чем вы, молодые офицеры, постоянно думаете, находясь на поле брани, и чем вы мечтаете день и ночь и в честь чего я призываю всех вас произнести слова: «Да здравствует!»

— Да здравствует Италия! — закричали все сидевшие за столом. Однако один молодой офицер, которым вполне мог быть и я сам, — продолжал Сердуцци, — произнес совсем иное слово… Я думаю, вы догадались, какое.

Засмеялся только один Святозини, но тут же смолк под суровым взглядом своей жены, посланным ему через стол.

В конце обеда нотариус Жополини предложил тост, но, осоловевший от большого количества выпитого вина, Сердуцци лишь ответил слабым движением левой руки.

В обратный путь первая группа отправилась на более вместительной лодке, оставив на берегу судью, Сердуцци, Эстерину и супругов Костаманья. Судья сел за весла, чета Костаманья разместилась на носу лодки, а Сердуцци с Эстериной — на корме. Подплывая к порту и находясь уже почти рядом с причалом, Кавальмуди не позаботился о том, чтобы замедлить ход лодки и поднял весла. Сердуцци, будучи бравым альпийским стрелком, наверное, никогда не плавал на лодке. В нескольких

метрах от берега он встал на ноги и, сделав полуоборот, протянул левую руку Эстерине, чтобы помочь ей подняться с сидения. В этот момент нос лодки ударился о берег. Прокурор короля потерял равновесие, какое-то время балансировал, размахивая рукой, а затем упал за борт. Эстерина пыталась удержать его, но только вырвала из кармана рукав пиджака.

Место здесь было не глубокое — не более одного метра, но представитель прокуратуры окунулся в воду с головой. Судья и Жополини немедленно спрыгнули в воду, где им было по пояс, и им удалось поднять его и отнести на берег.

Сердуцци, хватая ртом воздух и выпучив глаза, тяжело опустился на щебенку дороги. Его лицо стало красным: внизу образовался ручеек, бравший истоки от его намоченной одежды.

— Он не может дышать, — сказал подбежавший адвокат Шпильки, — он нахлебался и нужно дать выход воде, которая находится в нем.

С помощью судьи Святозини и Костаманья взяли его за ноги и, как курицу, стали держать его головой вниз, а тем временем нотариус Жополини давил ему на живот и стучал по спине.

Пирола оказался прав: посредством этих действий удалось выпустить из прокурора, по крайней мере, четыре литра воды, вина и прочих жидкостей.

— Он спасен, — удовлетворенно сказал Шпильки, обращаясь к группе женщин, собравшихся перед Стицци, который снова был усажен. Воскресший не говорил. Он сидел с остекленевшим взглядом и закрытым ртом, пытаясь пальцами расстегнуть пуговицу на брюках.

— Он хочет пи-пи, — сказал Шпильки. — Это хорошо — значит, к нему снова вернулись рефлексы.

Женщины, как стайка бабочек, поспешно вспорхнули и удалились. И вовремя, поскольку Сердуцци, несмотря на свое невменяемое

состояние, удалось кое-что вытащить наружу и выпустить нескончаемо долгую, но слабую струю, которая, извиваясь среди камней, текла вниз и поглощалась легкими волнами озера.

Это освобождение вернуло прокурора к жизни. С помощью их ему удалось встать и сделать несколько шагов. Спасители решил отвести его в дом адвоката Шпильки, который жил в двух шагах от порта, и уложить его в постель.

Компания распалась, и Кавальмуди, проводив Эстерину домой, пошел к себе на работу. Позже он зашел к Шпильки и узнал, что Сердуцци спит глубоким сном.

— Пусть спит, — сказал он, — завтра он полностью придет в себя и сможет прийти в суд.

На следующий день, два явившись в отведенный ему кабинет, Сердуцци написал длинный рапорт генеральному прокурору апелляционного суда. «В мировом суде, — писал он, — по вине доктора Кавальмуди уголовные и гражданские дела находятся в ужасно запущенном состоянии. Кавальмуди — бездельник, любитель загородных увеселительных прогулок, которые он устраивает вместе с адвокатами, а также, возможно, с лицами участвующими в процессах и гражданских исках. С некоторых пор он завязал личные отношения с несовершеннолетней Эстер Аливерти, завоевав ее доверие благодаря своему авторитету опекающего судьи. Я имел возможность удостовериться в том, что изложено выше, и результат проверки, проведенной мной в учреждении суда и т.д., и т.п.»

Далее последовали обычные ритуальные почести. С письмом в кармане Сердуцци поехал в Милан, собираясь вручить его лично Его Превосходительству.

Войдя в кабинет генерального прокурора, он вскинул руку в фашистском приветствии и неподвижно замер. Его Превосходительство оглядел прокурора с головы до отсутствующей руки, потом довольно по-дружески указал ему на кресло.

— Я узнал от советника Кьяппони — брата нотариуса Жополини — историю о чудесном купании, которое вы совершили в Лаго-Маджоре, после большого обеда с судьей Кавальмуди…

Эти слова были для Сердуцци вторым купанием, только еще более холодным.

— Как можно было выставить себя на такое посмешище? Альпийскому стрелку? Инвалиду войны? Кавалеру двух орденов?

Сердуцци даже не стал доставать рапорт из кармана. Он только дал некоторые общие объяснения о работе своего учреждения, затем встал и, пятясь с поднятой рукой, вышел из кабинета.

С того дня он напрочь забыл о Кавальмуди и его суде. Лишь более года спустя, когда он обнаружил в дневной почте приглашение доктора Понтия Кавальмуди, справлявшего свадьбу с Эстериной, перед ним снова возникло веселое и насмешливое лицо судьи, которое он увидел, когда, потеряв опору под ногами, вот-вот должен был рухнуть в воду. С отвращением он поднес письмо ко рту и, зажав его край зубами, разорвал его на две части. Он выплюнул на стол клочок бумаги, оставшийся у него во рту, снова сложил его вместе с тем, что остался в руке, и повторил операцию. Разорвав приглашение, он взял двумя пальцами четыре клочка и опустил их в корзину для бумаги.

«Он прислал мне это приглашение, чтобы досадить мне, — прошипел он. — Но я не пошлю ему телеграмму, не пошлю!»

Он отшвырнул в сторону папки, которые лежали перед ним, позвонил в колокольчик и вызвал секретаря.

— Отправьте телеграмму судье Кавальмуди.
— Текст? — спросил секретарь, доставая из кармана авторучку.
— Пишите: «Невозможностью присутствовать желаю счастья в браке. Сердуцци». С одним «к» в слове «брак», пожалуйста!
— И ветвистых рогов тебе! — проворчал он, пока секретарь, кланяясь, выходил из кабинета.

© Пьеро Кьяра.

© Перевод А.Г.Кузнецова, 2009. Satiriki hekaýalar